

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Русская литература

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ

1966 • № 3

ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАД

почерпнуты из жизни и так же «бессюжетны», как судьба «маленького» человека. Но они драматичны, многоплановы, насыщены материалом.

Стиль этих произведений отличается глубокой объективностью повествования, не исключающей эмоциональной субъективности. Оба писателя умели, не меняя голоса, говорить о страшном и смешном, возвышенном и низменном, великом и ничтожном.

Они концентрировали внимание на изображении внутреннего мира человека, подчеркивая его ценность и значительность, делая это просто и ненавязчиво, без ложного пафоса и сентиментальности.

Их описания всегда предметны, осязательны и пластичны. Среда активно воздействует на внутренний мир героев. Пейзаж, природа отражают человеческие настроения и переживания, отрицая все неживое, неестественное, гибнущее.

Они умели создавать картину по немногим ее деталям, подвергавшимся строгому отбору, могли «сугубо кратко», немногими словами сказать многое.

Чехов и Стриндберг реформировали театр. Чехов в письмах к актерам и в беседах с ними, а Стриндберг, кроме того, в театральнo-эстетических трактатах, содержание которых могло быть известно Чехову из статей о шведском писателе, выступали против сценического схематизма, внешней театральности. Новеллистическое искусство позволило им расширить границы драматургического жанра, увидеть драматическое не только в чрезвычайных человеческих чувствах и поступках, но и во всем течении жизни, соединить комическое и трагическое в одной картине.

Чехова должна была удивлять «не совсем обыкновенная» сила Стриндберга, широта шведского писателя, успешно соединявшего то, что Чехову теоретически представлялось несоединимым: безличность и сдержанность повествования с темпераментной необузданностью, ледяную объективность с напряженной субъективностью, образно говоря, «аполлиническую» уравновешенность с «дионисийской» бурной творческой стихией. Стриндберг был неотъемлемым элементом той литературной атмосферы, в которой жил Чехов.

А. СОБОЛЕВ

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО С. Т. ГРИГОРЬЕВА

18 июня 1946 года в г. Куйбышеве был открыт Музей М. Горького с экспозициями на трех этажах. Многие материалы были получены из Института мировой литературы, Музея и архива А. М. Горького, от Е. П. и Н. А. Пешковых и ряда советских писателей. Поиск материалов продолжались и после открытия Музея.

Как-то летом 1947 года на даче в Барвихе Е. П. Пешкова показала мне детскую повесть С. Т. Григорьева (1875—1953) «Кругосветка».¹ Наш видный земляк, сызранец по месту рождения, жил в Сызрани, Самаре, селе Печерском, хорошо знал и любил Волгу, ходил по самарским селам, сотрудничал в самарских изданиях, многие годы знал Горького, хорошо представлял себе самарскую действительность 90-х годов XIX века.

Екатерина Павловна положительно отозвалась о «Кругосветке», но отрицала факт участия Горького в путешествии. Документально, конечно, установить такой факт невозможно, но что он был, вполне вероятно. Кругосветка была очень модной в 90-е годы. Горький мог увлечься и этой поездкой, как он увлекался поездками по рекам Волге, Самаре, прогулками на Коровий Остров, Татьянку, в Рождествено. В вышедшей недавно книге В. Н. Блохиной «А. М. Горький на Волге» волгари вспоминают рассказы писателя о поездках в Жигули, в кругосветку.

Я решил обратиться непосредственно к С. Т. Григорьеву. На мои письма в июле 1948 года был получен следующий ответ:

«Уважаемый Александр Васильевич,

оба Ваши письма получены мною. На первое не отвечал долго потому, что ответить оказалось трудно. Написал было по существу затронутых Вами предметов и не послал — получилось длинно и „дуже умно“. Попробую теперь ответить как бы на анкету, где ответы ограничены оставленными пробелами и потому должны быть кратки.

1. Фактическая сторона книги „Кругосветка“ в ней и изложена. Выдуманного в ней немного. Подлинность „действующих лиц“ невозможно установить спустя половину столетия по памяти. Мальчишек я знал под их уличными прозваниями и за судьбой их дальше не следил, да и не мог следить, живя в Самаре наездами. А. Ф. Хлеб-

ния. 1959—1960», 1962, стр. 120; Б. В. Михайловский. 1) Горький и скандинавские литературы. «Научные доклады высшей школы, Филологические науки», 1960, № 2, стр. 90—98; 2) Творчество М. Горького и мировая литература. 1892—1916. М., 1965, стр. 586—587, 634—639 и др.

¹ См.: Сергей Григорьев, Собрание сочинений в четырех томах, т. 4. Детгиз, М., стр. 204—341.